

Annotation

- [Гилберт Кит Честертон](#)
 - [Примечания](#)
-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Гилберт Кит Честертон

Удивительное убежище

Маленькая похоронная процессия пересекла маленькое кладбище, расположенное на скалистом берегу Корнуолла, и опустила маленький гроб в могилу у стены. Ничего необычного во всем этом не было, но рыбаки и крестьяне смотрели на гроб с суеверным страхом, словно в нем лежало чудище. На самом деле в нем лежал человек, который долго жил среди них и ни разу им не показался.

Зато единственный его друг показывался им часто. Он жил в одном доме с невидимкой, но бывал и на улице. Загадочный же незнакомец, по всей вероятности, вошел в дом ночью, а покинул его в гробу. За этим гробом шел высокий человек в черном, и морской ветер шевелил его светлые волосы, похожие на бледные водоросли. Он был не стар, и черное ему шло, но те, кто видел его раньше, ощущали, как он изменился. Обычно он одевался удобно и небрежно, как пейзажист на этюдах, и это подчеркивало его приветливую отрешенность. В черном он стал собранней и строже. Таким изображают Гамлета — светлые волосы, черное платье, рассеянный взор, — только у датского принца вряд ли был упрямый, торчащий вперед подбородок.

С кладбища герой нашего рассказа отправился на почту. Шел он все легче, не в силах скрыть, что с него свалилось тяжелое бремя.

— Стыдно сказать, — говорил он про себя, — но я просто веселый вдовец какой-то...

На почте он отправил телеграмму: «Уэстермейнское аббатство. Диане Уэстермейн. Буду завтра. Расскажу, как обещал, историю диковинной дружбы».

С почты он пошел прямо на восток все тем же легким шагом, и вскоре его черные одежды замелькали на фоне пестрых осенних лесов. Шел он долго, выпил пива в кабачке, закусил его сыром и двинулся дальше; но тут с ним случилось странное происшествие. Дорога вилась вдоль реки, бежавшей среди холмов, и с одной стороны возникла стена, сложенная из крупных камней и утыканная поверху великаньими зубами каменьеv. Герой наш не стал бы ее разглядывать, да он и не стал, но вдруг увидел, что камень, вздымая пыль, упал прямо перед ним. Пролетая, камень этот задел отнесенную ветром прядь светлых волос.

Немного испугавшись, он взглянул наверх и успел заметить, как в темной дыре мелькнуло хитрое лицо.

— Я вас вижу! — крикнул он. — За такие дела в тюрьму сажают!

— Только не меня, — отвечал незнакомец и быстро, как белка, скрылся в пестрой листве.

Человек в черном, именовавшийся Гэбриелом Гейлом, посмотрел на стену и определил, что влезть на нее невозможно и ненужно, ибо странный преступник уже далеко.

«Интересно, почему он это сделал? — подумал Гейл, вдруг нахмурился и гораздо серьезнее прибавил про себя: — Интересно, почему он это сказал?»

Три слова, которые он только что услышал, напомнили ему о том, как началась повесть, закончившаяся на корнуоллском кладбище. Именно эту повесть он и собирался рассказать леди Диане.

За четырнадцать лет до того Гэбриел Гейл достиг совершеннолетия и вступил во владение небольшими долгами и небольшой фермой своего покойного отца. Хотя он и вырос в деревне, взгляды его нельзя было назвать по-сельски отсталыми: он был истинным бунтовщиком и не давал покою всей округе. Он вступался за браконьеров и цыган; он писал в местные газеты письма, которые ни один редактор не решался напечатать; он обличал местный суд и местные власти. Обнаружив, что, как ни странно, власти эти — против него и ходу его речам не дадут, он изобрел особый вид гласности, чрезвычайно веселивший его и огорчавший начальство. Он уже знал, что наделен двумя дарами: хорошо рисует и хорошо угадывает истинную суть человека. Оба эти дара весьма полезны портретисту; но портретистом он стал весьма своеобразным. На его участке было несколько построек, и какие-то сараи с белеными стенами стояли прямо у дороги. Когда кто-нибудь из помещиков или власть имущих вызывал его негодование, Гейл немедленно писал его портрет на белой стене — не карикатуру, а именно портрет, изображение души. Казалось бы, крупному торговцу, получившему дворянство, обижаться не на что — и смотрит он именно так, исподлобья, и пробор у него прямой; но сразу было видно, что улыбается он улыбкой угодливого приказчика. Полковник Феррарс, гроза округи, тоже пожаловаться не мог — художник отдал дань тонкости его черт, выписал суровые брови и пышные усы; но сразу было видно, что перед вами — круглый дурак, да еще такой, который тщательно это скрывает.

Своими живописными прокламациями Гейл украшал местность и

пленял сердца ближних. Сделать ему ничего не могли. Клеветой это не было — как ее докажешь? Не было и порчей общественного имущества — стены, что ни говори, принадлежали ему. Среди тех, кто приходил полюбоваться на его работу, был краснолицый усатый фермер по фамилии Бэнкс; по-видимому, он принадлежал к людям, которые рады любому происшествию и глухи к любому мнению. Не вникая в политическую подоплеку занятых картин, он глядел на них разинув рот, как глядел бы на теленка о пяти ногах или на призрак повешенного. Размышлять он не любил, но дураком не был и умел порассказать немало смешных и страшных историй из местной жизни. Так и случилось, что они с мятежным Гейлом часто толковали за кружкой пива и часто бродили вместе, заглядывая на кладбища и в кабаки. Однажды на такой прогулке Бэнкс встретил двух своих примечательных знакомых — точнее, он встретил одного, а потом они нашли другого, так что всего их стало четверо.

Первый из знакомых фермера, называвшийся Старки, был невысоким проворным человечком со щетинистой бородкой. Разговаривая, он остро глядел на собеседника и насмешливо улыбался. И он, и Бэнкс с интересом слушали Гейла, хотя, может быть, его бунт занимал их просто как хорошая шутка. Им не терпелось познакомиться его с другим их приятелем, каким-то Симом, который, по их словам, разбирался в таких вещах. Гейл не протестовал, они отправились искать Сима и нашли его в маленькой сельской гостинице, называвшейся «Виноградная гроздь» и стоявшей у реки.

Туда они плыли на лодке. Греб новый знакомый. Стояло ясное осеннее утро. Над рекой нависали деревья, и в одном из просветов вдруг показался невысокий дом. Перед ним их ждал седой, кудрявый человек, похожий на печального актера. Он улыбнулся им и с привычной властью повел к гостинице, сообщая на ходу, что завтрак готов.

Гэбриел Гейл замыкал маленькое шествие, взбиравшееся вверх по прямой мощеной дорожке. Его блуждающий взор подмечал особенности сада, и что-то творилось с его блуждающей душой. Вдоль тропинки росли деревца, и Гейлу не нравилось, что они аккуратны, как вышивка, а сама тропинка так неумолимо пряма. Ему бы хотелось позавтракать не в доме, а за одним из выцветших столиков, стоявших в густой траве. Он был бы счастлив, если бы мог забраться в темный угол сада, где, наполовину скрытые плющом, виднелись старый стол и полукруглая скамья. Его привлекали детские качели. Последнему искушению он воспротивиться не смог и, крикнув: «Я сейчас!», кинулся к ним, схватился на бегу за веревку,

вскочил на сиденье, раскачался как следует и собрался спрыгнуть, но веревка оборвалась, и он упал на спину, задрав кверху ноги. Трое спутников подбежали к нему. Первым бежал Старки, и в острых его глазах светилось веселое участие.

— Плохие качели! — сказал он. — На куски разваливаются. — Оборвал вторую веревку и прибавил: — Хотите, позавтракаем за тем столом? Прекрасно! Тогда идите первым, прорвите паутину. Когда оберете всех пауков, пойду и я.

Гейл весело нырнул в темный угол сада и сел на полукруглую скамью. Практичный Бэнкс явно не стремился в увитую листьями пещеру, но оба других туда пришли и уселись по обе стороны от Гейла.

— Насколько я понимаю, — сказал печальный человек, — вы поддались внезапному импульсу. У вас, поэтов, это часто бывает.

— Не знаю, поэт ли я, — ответил Гейл, — но описать это может только поэт. Я бы не мог. Тут надо сложить поэму о качелях и поэму о плюще и вставить их, обе, в длинную поэму о саде. А поэму сразу не сложишь, хотя мне всегда казалось, что истинный поэт не может говорить прозой. Он говорит о погоде стансами, подобными тучам, и просит передать картошку стихами, легкими, как цветок картофеля.

— Что ж, создайте поэму в прозе, — сказал человек, которого звали Симеоном Вольфом. — Расскажите нам, что вы чувствуете, глядя на качели и на этот сад.

Гэбриел Гейл был приветлив и общителен; он много говорил о себе, потому что не страдал эгоизмом. И сейчас он заговорил о себе, радуясь, что умные люди с интересом слушают его, и пытаясь выразить словами, как влияют на него неожиданные очертания, цвета и загадки. Он пытался объяснить, чем привлекли его качели и почему, взлетая на них к небу, взрослый чувствует себя ребенком, а ребенок — птицей. Он растолковывал, что стол под навесом хорош именно тем, что это — угол, закуток. Он рассказывал о том, что старые ветхие вещи поднимают дух, если он и без того стремится вверх. Собеседники его тоже что-то говорили, и к концу завтрака Гейл немало о них узнал. Вольф много путешествовал, Старки разбирался в местных делах, весьма интересных, а оба они хорошо разбирались в людях и помнили много занятных историй. И тот, и другой считали, что Гейл мыслит своеобразно, и все же — он не единственный в своем роде.

— Такой тип мышления я встречал, — заметил Симеон Вольф. — А вы, Старки?

— Я тоже, — кивнул тот.

Именно тогда Гейл, рассеянно глядевший на залитую солнцем траву, все и понял. У него так бывало — он сразу понимал все.

На серебряном фоне воздуха чернели, словно виселица, бывшие качели. Ни веревки, ни сиденья рядом с ними не было. Медленно переводя взгляд, Гейл обнаружил, что они лежат аккуратной горкой внизу, у скамьи. Теперь он знал, чем занимаются те, кто сидит справа и слева от него. Он знал, почему они просили описать, что он чувствует. Он знал, что скоро они вынут и подпишут бумагу; и больше он от них не уйдет.

— Значит, вы психиатры, — весело сказал он, — а я для вас сумасшедший.

— Вы ненаучно выражаетесь, — мягко возразил Вольф — Скажем так: вы принадлежите к тому типу людей, с которыми друзья их и почитатели должны обращаться определенным образом. Нет, нет, не враждебно! Вы — поэт, а поэтический темперамент неизбежно связан с манией величия. Отсюда — тяга к крупному, преувеличенному. Вы не можете спокойно видеть большую белую плоскость: вас непременно тянет нарисовать на ней большое лицо. Вы не можете спокойно видеть качели, вам тут же приходит в голову небо и полет. Позволю себе предположить, что, увидев кошку, вы думаете о тигре, а увидев ящерицу — о драконе.

— Вы совершенно правы, — сказал Гейл. Он криво усмехнулся и продолжал:

— Хорошая штука психология. Учит, как залезть другому в душу. Вот у вас тоже интересный склад ума. Я встречал таких, как вы, и знаю, что с вами. Вы в том состоянии, когда замечают все, кроме сути. У нас противоположные болезни: я вижу в кошке тигра, а вы хотите доказать, что она даже и не кошка, так, неполноценная тварь. Но кошка — это кошка! Просто мы недостаточно здоровы, чтобы ее увидеть. Ваш мир лишен хребта, лишен сердцевины. Вы атеист, вот в чем ваша беда.

— Я вам не говорил, что я атеист, — сказал Вольф.

— Я вам не говорил, что я поэт, — ответил Гейл. — Но вот что я вам скажу: мне дано преувеличивать только в нужную, верную сторону. Вы вкрадчивы, как кошка, но я знаю, что вы в любой миг обратитесь в тигра. А эта юркая ящерка, силою ведовства, обернется драконом.

Перед ним, за зловещими останками качелей, сверкали багрец и серебро потерянного рая. Но Гейл, даже утратив надежду, не утрачивал логики; он хотел, пусть только словом, разбить своих врагов.

— Вы изучали медицину, — говорил он, улыбаясь, — но неужели вы думаете, что я не найду болезней у вас? Я вижу вас лучше, чем вы меня; портретист смотрит глубже психиатра. Я знаю, доктор Вольф, что в вашем

мозгу — лишь хаос исключений. Вы признаете ненормальным что угодно, потому что для вас нет нормы. Вы признаете ненормальным кого угодно... А вот почему вы хотите признать ненормальным меня — вопрос другой. Трудно вам, атеистам! Вы не верите, что рано или поздно придет отмщение за гнусное предательство.

— Что ж, — усмехнулся Вольф, — болезнь ваша очевидна.

— Вы похожи на актера, — спокойно сказал Гейл, — но играете вы плохо. Я вижу, что угадал. Ростовщики и несправедные судьи, угнетающие бедных в моих родных местах, не нашли закона, который запретил бы мне рисовать на белой стене их души в аду. Вот они и подкупили вас. Я встречал таких, как вы. Я знаю, не в первый раз вы выручаете богатых. Вы на все пойдете за деньги. Быть может, даже на убийство нерожденных.

Вольф все еще ухмылялся, но лицо его пожелтело. Старки визгливо и резко крикнул:

— Помните, с кем говорите!

— А, есть еще доктор Старки!.. — отрешенно продолжал Гейл. — Обследуем и его психику.

Он медленно перевел взгляд и увидел, что в раме качелей, по-птичьи склонив набок голову, стоит невысокий человек. Гейл подумал, что это — случайный постоялец, и помощи от него ждать не стоит: закон, вероятно, на стороне врачей. И продолжал:

— Умственная неполноценность доктора Старки в том, что он забыл истину. Вы, Старки, не мыслитель и не скептик. Вы — человек дела. Но вы так часто и давно лжете, что видите уже не сами вещи, а тень их, мнимый облик, который надо создать. Зрение у вас хорошее. Вы сразу подмечаете, что на руку вашей лжи. Такие, как вы, идут прямо по кривой дороге. Вы быстро заметили, что веревки от качелей помогут меня связать, если я стану драться, а здесь, под этим навесом, я буду буквально загнан в угол. Однако и качели, и навес первым заметил я. Это очень для вас характерно. Вы не ученый, как тот, другой подлец. Вы ловите на лету чужие мысли. В сущности, вы не можете спокойно видеть мысль, вас так и тянет стащить ее. Этим вы и больны; вам хочется быть умным, и вы крадете чужой ум. Отсюда можно вывести, что некогда ваш собственный ум принес вам беду. Вид у вас потрепанный, чести у вас нет... наверное, вы сидели в тюрьме.

Старки вскочил и швырнул на стол веревки.

— Свяжите его! — закричал он. — Заткните ему рот!

— И тут я вас понимаю, — продолжал Гейл. — Вы сообразили, что за полдня, а то и за полчаса, я угадаю очень много и погублю вас вконец.

Говоря это, он следил за странными действиями невысокого человека.

Тот пересек лужайку, взял какое-то кресло от одного из столов и теперь нес его прямо к ним. Дойдя до навеса, он поставил кресло в траву, сел напротив поэта и устался на него, держа руки в карманах. Лицо его было в тени, а квадратные плечи и короткие волосы не говорили ни о чем.

— Надеюсь, не помешал? — спросил он. — Точнее, да и честнее, скажу: надеюсь, помешал? Вы, доктора, глупо сделаете, если станете его связывать.

— То есть как? — удивился Старки.

— А так, что я вас тогда убью, — ответил незнакомец.

Все долго глядели на него; потом Вольф усмехнулся.

— Нелегко убить двоих сразу, — сказал он.

Незнакомец вынул руки из карманов, и в воздухе одновременно дважды сверкнула сталь. В каждой руке он держал по револьверу.

— Я вас убью, — благодушно сообщил он, нацелив на врачей длинные стальные пальцы, — если вы тронете его или будете кричать.

— За убийство вешают, — сказал Вольф.

— Только не меня, — откликнулся незнакомец. — Разве что вы оживете и повесите меня на этой штуке. Мне убивать разрешено. Закон такой есть: убивай

— не хочу!.. Говоря строго, я — король Англии. Что ни сделаю, все хорошо.

— Вы, наверное, сумасшедший... — проговорил Старки.

Незнакомец засмеялся так радостно и громко, что и листья, и нервы его собеседников затрепетали от страха.

— Вот именно! — крикнул он. — Ваш приятель сказал, что вы ловите мысли. Верно, ловите. Я сумасшедший вон из той больницы, куда вы хотите его загнать. Зашел я к главному врачу, его нет, а в ящике как раз лежат револьверы. Поймать меня можно, а повесить нельзя. Схватить меня можно, а вот его хватать не нужно. У него вся жизнь впереди. Я не хочу, чтобы он мучился, как я. Нравится он мне... хорошо швырнул вам обратно ваши докторские штучки... В общем, сами понимаете, сейчас у меня — полная власть. Не будете сидеть тихо, пробью вам головы, а его связать не дам. Свяжу лучше вас, так-то оно вернее.

Того, что было дальше, Гейл почти не помнил. Походило это на сон или на балаган, но плоды дало вполне ощутимые. Десять минут спустя и сам он, и его спаситель шагали по лесу, оставив под сенью плюща беспомощных, как мешки с картошкой, служителей науки.

Для Гэбриела Гейла все, что он видел, было страной чудес. Каждое дерево сверкало, как рождественская елка, каждая полянка была

волшебной, как кукольный театр в просвете занавеса. Только что все это чуть не исчезло во тьме, которая хуже смерти, но небо послало ему ангела, сбежавшего из сумасшедшего дома.

Гейл был молод, и свободы его еще не сковала и не окрылила любовь. Он походил на юного рыцаря, который клянется не стричь волос, пока не увидит Иерусалима. Ему хотелось чем-нибудь себя связать; и сейчас он знал, чем именно.

Пройдя ярдов двести по лесу вдоль реки, он остановился и сказал:

— Вы дали мне все. С Божьей помощью, на всю мою жизнь, вы создали небо и землю. Вы украсили мой победный путь семисвечниками деревьев, чьи серые ветки сверкают, словно серебро. Вы бросили мне под ноги багряные листья, которые лучше любого цветка. Вы создали это облако. Вы сотворили тех птиц. Смогу ли я радоваться вашим дарам, если вы вернетесь в преисподнюю? Нет, я не дам отнять у вас то, что вы дали мне. Я буду вас защищать. Я спасу вас, как вы меня спасли. Вам я обязан жизнью, вам ее и дарю. Клянусь разделить с вами все, что вам выпадет. Да покарает меня Господь, если я вас покину, пока смерть не разлучит нас.

Так в диком лесу прозвучали дикие слова, изменившие жизнь Гэбриела Гейла. Друзья побывали во многих местах, а враги их тем временем соблюдали вооруженное перемирие. Гейл не обличал психиатров, чтобы они не тронули его друга, а психиатры не трогали их обоих, страшась обличения. Тянулось это до того дня, описанного в начале повествования, когда Гейл влюбился, а его друг чуть не убил человека.

В этот страшный день Гейл стал и мудрее, и печальней. Он понял, что слов и обетов — мало, увез друга в дальнюю деревню и жил с ним вместе, а когда ненадолго отлучался, оставлял его под присмотром верного слуги. Друг его, Джеймс Харрел, когда-то смело и успешно занимался делами, пока замыслы умещались у него в голове. Потом он попал в больницу, потом бродил с Гейлом; потом счастливо и мирно жил в Корнуолле, строя все новые и новые проекты; потом умер, тоже мирно и счастливо, а Гейл вернулся свободным с его похорон.

На следующее утро поэт шел по лесу еще несколько часов и увидел наконец, что вот-вот ступит на зачарованную землю. Он вспомнил, что именно эти деревья, сбившись в кучу и привстав на цыпочки, глядят в райскую долину. Он узнал увивавшую холм дорогу, по которой шли они с Харрелом, пошел по ней и увидел, что уступы холма, словно плоские крыши, спускаются к широкой реке и к переправе, и к мрачному кабачку, именуемому «Восходящим солнцем».

Мрачного кабатчика уже не было, он устроился где-то конюхом, а кабатчик поживее, с виду вылитый конюх, терпеливо слушал, как воспевает Гейл красоту этих мест. Поэт подробно рассказывал ему, как прекрасно небо над его домом, и сообщил, что видел здесь совершенно неповторимый закат, а гроза тут была такая, какой нигде не увидишь. Наконец кабатчик прервал его, вручив ему письмо из замка за переправой. Начиналось оно не совсем вежливо, словно автор не знал, как обратиться к адресату, а написано в нем было вот что:

«Очень хочу услышать вашу повесть. Приходите завтра (в четверг). Сегодня я, к сожалению, уезжаю в Уимблдон. Меня ждет д-р Уилсон, это насчет работы. Она мне очень нужна, вы, наверное, знаете, что мы совсем обнищали. Д. У.»

Прославленное небо потемнело, и поэт, положив письмо в карман, сказал кабатчику:

— Простите, ошибся. Мне надо уехать. Собственно, славятся красотой не здешние, а уимблдонские закаты. А грозу в Уимблдоне я и вообразить не решусь!.. Надеюсь, что еще приеду сюда. Всего хорошего.

После этого Гейл повел себя и разумней, и удивительней. Сперва он сел на забор и долго думал. Потом послал телеграмму доктору Гарту и еще двум людям. Прибыв в Лондон, он направился в редакцию самой дешевой бульварной газеты и просмотрел много номеров, изучая нераскрытые преступления. Доехав до пригорода, славящегося закатами, он побеседовал с жилищным агентом; и только под вечер добрался по широкой, тихой дороге до какого-то сада. Он потрогал пальцем зеленую калитку, словно проверял, давно ли она выкрашена; калитка распахнулась, являя взору яркие клумбы, и он, не закрывая ее, пошел по саду, пробормотав:

— Так я и думал.

Семья, собиравшаяся взять в услужение обедневшую Диану Уэстермейн, сочетала современную деловитость со старинной тягой к удобствам и даже роскоши. В оранжереях цвели дорогие редкие цветы, в центре сада стояла посеревшая и выщербленная статуя. Неподалеку от нее Гейл увидел на траве крокетные молотки и дужки; а подальше, под деревом, стол, со вкусом и знанием дела накрытый к чаю.

Все это было связано с людьми, но люди куда-то отлучились, и сад казался от этого бессмысленно пустым. Вернее, он казался бы пустым, если бы вдруг не ожил. Из глубины сада кто-то шел сюда, к Гейлу. Диана дошла до увитой плющом арки, и они наконец встретились. Невообразимую важность этой встречи подчеркивало то, что оба они — в трауре.

Гейл когда угодно мог вспомнить, как темны ее брови и как оттеняет

смуглую кожу синева костюма. Но сейчас он удивился, что вспоминал что-то, кроме ее лица. Она взглянула на него ясным, печальным взором и сказала:

— Ну что это вы... Не могли подождать...

— Да, — отвечал он, — хотя и ждал четыре года.

— Сейчас они выйдут к чаю, — неловко сообщила она. — Наверное, надо вас им представить. Я работаю первый день, уехать не могу. Как раз собиралась послать вам телеграмму...

— Слава Богу, что я приехал! — воскликнул он. — Она бы отсюда не дошла.

— Почему? — спросила Диана. — И почему вы приехали?

— Мне не понравился ваш адрес, — ответил он; и странные люди, один за другим, стали выходить в сад.

Диана повела Гейла к столу. Лицо ее было еще бледней и печальней, но в серых глазах светились и любопытство, и вызов. Когда она дошла до стола, там уже сидели трое, и незваный гость с подчеркнутой вежливостью поклонился им.

Хозяев еще не было. За столом, по всей видимости, сидели званые гости, быть может — друзья, гостящие в этом доме. Один, мистер Вулмер, молодой человек со светлыми усиками, был таким высоким и тощим, что голова его казалась непомерно маленькой; зато нос у него был большой, орлиный, а глаза

— навывкате, как у попугая. Другой, майор Брюс, коротышка с длинным черепом, поросшим тускло-седыми волосами, сидел, плотно сжав губы, словно зарекся говорить. Третий, лысый старик в черной шелковой шапочке, с редкой рыжей бородкой, отличался важностью и звался профессором Паттерсоном.

Гейл подсел к столу и включился в пустую беседу. Диана разливала чай. Все шло нормально, только Вулмер вел себя суетливо. Наконец он встал и принялся гонять шары по лужайке. Поэт, с интересом взиравший на него, тоже взял молоток и решил загнать в воротца два шара сразу. Это нелегко, и ему пришлось встать на четвереньки.

— Вы еще голову в дужку суньте! — фыркнул Вулмер, суетившийся еще больше, словно вынести не мог незваного пришельца.

— Зачем же? — добродушно откликнулся тот. — Неудобная, наверное, поза! Как на гильотине.

Вулмер пробурчал:

— Там вам и место... — и вдруг, замахнувшись молотком, как топором, загнал дужку в землю по самую перекладину. Все вздрогнули от

ужаса: только что они представили себе, что в дужке — человеческая голова.

— Положите-ка молоток, — сказал профессор, коснувшись дрожащими пальцами его руки.

— Сейчас, сейчас... — ответил Вулмер и швырнул молоток так, как швыряют молот. Тот пролетел над садом, угодил прямо в статую, а Вулмер расхохотался и убежал в дом.

Диана все больше бледнела и все сильнее хмурилась. Прочие неловко молчали; потом заговорил майор Брюс.

— Место такое, — сказал он. — Нездоровое.

В саду было тихо, светло и весело, и Диана, не понимая его слов, оглядела пестрые клумбы и газоны, позлащенные предвечерним солнцем.

— А может, это мне тут плохо... — рассуждал майор. — Что-то со мной неладно. При моей болезни трудно в таких домах...

— Что вы хотите сказать? — быстро спросила Диана.

Майор немного помолчал, потом бесстрастно ответил:

— Я нормален.

Диана посмотрела на теплый, залитый солнцем сад и задрожала от холода. Она вспомнила сотни мелких событий, случившихся в этот день, и поняла, почему ей тут не нравилось. Она поняла, что только в одном месте люди сообщают о своей нормальности.

Когда невысокий человечек с длинным черепом ровно, как автомат, направился к дому, Диана обернулась и увидела, что Гейла нет. Жуткая пустота разверзлась перед ней, невыносимая пустота кошмара. В ту минуту она поняла многое, о чем прежде не думала в полную силу, и ничто не было для нее так важно, как ушедший в пустоту человек. Ей показалось, что она сошла с ума, потом — что она одна нормальна, и тут она увидела в просвет изгороди странное шествие. Старый профессор двигался нетвердо, но быстро, словно бежал на цыпочках, болтая руками, как лапами, и встряхивая рыжей бахромой бородки. За ним, незаметно для него, мягко и ловко крался Гэбриел Гейл. Диана ничего не понимала, только глядела. Между нею и ними пестрели клумбы, пылали дорогие цветы за стеклами оранжерей, серела разбитая статуя; и ей показалось, что здесь, в саду, очень уместно безголовое божество.

В эту минуту на тропинке показался Гейл. Он шел к ней, улыбаясь, залитый солнечным светом, но остановился и помрачнел, увидев, как она бледна.

— Вы знаете, где мы? — спросила она тихо. — Это сумасшедший дом.

— Убежать отсюда нетрудно, — отвечал Гейл. — Вот, профессор

убежал. Он постоянно убегает, по средам и субботам.

— Сейчас не до шуток! — закричала она. — Мы в сумасшедшем доме!

— Ничего, мы скоро выйдем, — спокойно сказал он. — Придется вам узнать: как ни жаль, это — не сумасшедший дом.

— Расскажите мне все, — попросила она. — Расскажите все, что вы знаете об этом страшном месте.

— Для меня это место всегда будет священным, — сказал он. — Вон там, под аркою, вы возникли из бездны моей памяти. Да и вообще, сад красивый, мне жаль отсюда уходить. И дом красивый; нам было бы тут неплохо, если бы только в нем обитали сумасшедшие...

Он печально вздохнул, помолчал и заговорил снова:

— Я сказал бы вам то, что скажу, в добром старом невинном приюте для безумцев, но не здесь, не в таком месте. Тут надо делать дело. Вот — те, кто его сделает.

Ничего не понимая, она увидела, что к ним идут по дорожке какие-то люди. Первого из них, рыжеватого, с умным лицом, она где-то встречала. За ним два полисмена в штатском вели профессора в наручниках.

— Дом поджигал, — быстро проговорил чем-то знакомый ей человек. — Хотел уничтожить важные бумаги.

Позже, в тот же невыносимый день, Гейл и Гарт присели у стола, чтобы все ей объяснить.

— Вы помните доктора Гарта? — спросил поэт. — Он мне и помог раскрыть это странное дело. Полиция давно подозревала, что здесь что-то неладно. Это не сумасшедший дом, а убежище для преступников. Они признаны невменяемыми, им ничего не грозит, разве что врача упрекнут за то, что он их плохо сторожил. Я понял все это, когда, по счастью, угадал, откуда пришла эта мысль. Кстати, не этот ли человек нанял вас секретаршей?

Юркий человечек шел прямо к ним по траве. Его жесткая бородка торчала клочьями, как у терьера.

— Да, — сказала Диана. — Это доктор Уилсон.

Доктор остановился перед ними, покрутил головой, как терьер, и, прищурившись, взгляделся в Гейла.

— Ах, это доктор Уилсон! — вежливо воскликнул Гейл. — Здравствуйте, доктор Старки!

Полицейские шагнули к нему, а Гейл задумчиво прибавил:

— Я знал, что вы не упустите такую мысль.

Квартала за два от удивительного убежища был садик, не больше

огорода, украшенный кустами и тропинками оазис для кочевниц-нянь. Там стояли красивые скамейки, а на одной из них сидели мужчина и женщина в черном. Времени прошло немного, еще не стемнело, последние лучи освещали тихий садик, оглашаемый лишь звонкими, но слабыми выкриками заигравшихся детей.

Здесь и рассказал Гэбриел Диане странную повесть, от увитого плющом навеса на берегу реки до корнуоллского кладбища.

— Одного я не пойму, — сказала она. — Почему вы решили, что я именно в этом доме? Как вы догадались, что есть такой дом?

— Я не хвастался, — ответил он, немного растерянно глядя на усыпанную гравием дорожку, — когда говорил Старки, что знаю таких, как он. Люди такого типа не упустят хорошей идеи, особенно — чужой.

Бедный Джимми Харрел сказал, что ему ничего не будет, потому что он сумасшедший, и я понял, что это семя прорастет у Старки в мозгу. Пока Харрел был жив, он знал, что я буду молчать; когда тот умер, он решил убить меня. Он очень торопился. У него ум как молния — быстрый, но не прямой. Он послал одного из своих подопечных, чтобы тот свалил мне на голову камень, когда я шел к вам. Он как-то сумел прочитать мою телеграмму и вызвал вас, пока я вам всего не рассказал. Но это не важно. Важно другое: что вы скажете о моей повести?

— Вы опрометчиво дали обет, — сказала она. — Все эти годы вы могли писать картины, видеть людей... Нет, нельзя, чтобы хороший человек связывал себя с сумасшедшим неосторожными словами!

Он выпрямился.

— Ради Бога, не говорите так! — воскликнул он. — Что хотите, что угодно, только не это! Какая дурацкая мысль!

— Почему? — спросила она.

— Я хочу, — ответил он, — чтобы вы связали себя с сумасшедшим неосторожными словами.

Диана помолчала, потом улыбнулась и взяла его за руку.

— Какой вы сумасшедший! — сказала она. — Вы просто глупый. Но я любила вас и тогда, когда считала сумасшедшим... ну, когда вы встали на голову. А слова... не такие уж они опрометчивые... Господи, что это вы?

— Что же мне сейчас делать? — спокойно спросил он. Дети, игравшие в садике, с восторгом смотрели на человека в черном, стоявшего на голове.

Примечания

Корнуолл — графство на юго-западе Великобритании.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)